

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-3-274-286

EDN: JYRUPK

Научная статья / Research article

Еще раз о категории «роскоши» в экономике и праве древнего Рима

В. А. Квашнин

Вологодский государственный университет, *Вологда, Российская Федерация*

✉ kvashnin195@mail.ru

Аннотация. В последние десятилетия в антиковедении активно изучаются римские законы о роскоши, которые традиционно связываются с теорией «упадка нравов»: согласно этой теории кризис римского государства был обусловлен процессом разложения традиционных норм и ценностей под воздействием чужеземных нравов, роскоши и богатства. В этом контексте очевидна актуальность предпринятого исследования. Автор ставит перед собой цель изучить в деталях внутренне противоречивую суть такого феномена, как римские законы о роскоши. В частности, он обращает внимание на условный характер употребляемого в русскоязычной литературе термина «законы о роскоши», недостаточно точно передающего смысл латинского словосочетания *leges sumptuariae*. В исследовании использованы ряд латинских текстов и другие источники, а также обширная исследовательская литература. В итоге автор приходит к следующим выводам: во-первых, если слово *luxus* ассоциировалось с явлениями, привнесенными в жизнь римской гражданской общины эллинистической цивилизацией и ставшими следствием военной активности Рима на юге Италии и за ее пределами, то термин *sumptus* был связан с исконно римскими представлениями об умеренности и бережливости, которые необходимо рассматривать прежде всего в контексте жизни *familia* и ее хозяйственной деятельности. Во-вторых, если термин *luxus* отражал понятие роскоши как таковой, то употребление слова *sumptus* было связано с ведением хозяйства в целом и с понятием расходов в частности.

Ключевые слова: древний Рим, законы о роскоши, античная экономика, *civitas*, *familia*, *sumptus*, *luxus*

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: Поступила в редакцию: 20.02.2024. Принята к публикации: 25.04.2024.

Для цитирования: Квашнин В.А. Еще раз о категории «роскоши» в экономике и праве древнего Рима // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 3. С. 267–286. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-286>

В основе данной статьи лежит доклад, прочитанный на четвертой Всероссийской научной конференции «Экономическая история античности в мировой историографии (памяти профессора В.И. Кузищина)» в МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва) 30 января 2024 г.

© Квашнин В.А., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Once again about the category of «luxury» in the economy and law of ancient Rome

Vladimir A. Kvashnin

Vologda State University, *Vologda, Russian Federation*

✉ kvashninv195@mail.ru

Abstract. In recent decades, Roman sumptuary laws have been actively studied in classical studies, which are traditionally associated with the theory of “decline of morals”: according to this theory, the crisis of the Roman state was caused by the process of decomposition of traditional norms and values under the influence of foreign morals, luxury and wealth. In this context, the relevance of the undertaken research is obvious. The author sets himself the goal of studying in detail the internally contradictory essence of such a phenomenon as Roman sumptuary laws. In particular, he draws attention to the conventional nature of the term “sumptuary laws” used in Russian-language literature, which does not accurately convey the meaning of the Latin phrase *leges sumptuariae*. The study draws on a range of Latin texts and other sources, as well as an extensive research literature. As a result, the author comes to the following conclusions: firstly, if the word *luxus* was associated with phenomena introduced into the life of the Roman civil community by the Hellenistic civilization and resulting from the military activity of Rome in the south of Italy and beyond, then the term *sumptus* was associated with the original Roman ideas about moderation and frugality, which must be considered, first of all, in the context of the life of the *familia* and its economic activities. Secondly, if the term *luxus* reflected the concept of luxury as such, then the use of the word *sumptus* was associated with housekeeping in general and with the concept of expenses in particular.

Keywords: ancient Rome, sumptuary laws, ancient economy, *civitas*, *familia*, *sumptus*, *luxus*

Conflicts of interest: The author declares no conflicts of interest.

Article history: Received: 20.02. 2024. Accepted: 25.04 2024.

For citation: Kvashnin VA. Once again about the category of «luxury» in the economy and law of ancient Rome. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(3):267–286. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-3-267-286>

Введение

В предшествующих работах нами ранее указывалось на необходимость корректного использования и даже перевода термина *leges sumptuariae* [1. С. 91–93]. Традиционно на русский язык он переводится как «законы о роскоши» или «законы против роскоши». Однако понятие «роскоши» как таковой в латинском языке передается термином «*luxus*» [2. *luxus*³.

This article is based on the author’s speech at the international conference the Fourth All-Russian Scientific Conference “The Economic History of Antiquity in World Historiography (In memory of Professor V.I. Kuzishchin)” in Moscow in January 2024.

Р. 1055; 3. *luxuria*. С. 606]. Производное от него понятие «*luxuria*» было связано с категориями чрезмерности, изобилия, избыточности [2. *luxuria*. Р. 1054; 3. *luxuria*. С. 606]. В сочинениях древних авторов лексемы, связанные с «*luxus*», корреспондируют с понятиями высокомерия, своеволия, непокорности. В то же время слово *sumptus* означает не роскошь как таковую, а расходы либо траты на что-либо. Поэтому *leges sumptuariae* буквально это не законы о роскоши, а законы о расходах, которые являются чрезмерными. В словаре И.Х. Дворецкого термин *lex sumptuaria*, собственно, и переведен как «закон о расходах» с прибавлением «на роскошь», причем, очевидно, что дополнение дается по контексту [3. *sumptuarius*. С. 606].

Самое раннее упоминание термина *sumptus* в значении «расход, трата» встречается в сочинениях Плавта и Катона Старшего (Plaut. *Trin.* 250; *Mer.* 693; *Mil.* 673; *Cat. Agr.* I. 5, XXII. 3). При этом следует отметить, что Плавт довольно редко использует слово *sumptus* в своих сочинениях. Не использует он и термин *luxus* в значении «роскошь», хотя в его пьесах один раз встречается слово *luxuriarii* (*Pseud.* 1107) и дважды *luxuria* (*Trin.* 8; *Asin.* 819). В связи с этим основное внимание должно быть обращено на творчество Катона Старшего, в текстах которого можно встретить многочисленные инварианты термина *sumptus*, используемые им применительно к однотипным ситуациям: *sumptuarius* — «касающийся расходов»; *rationes sumptuariae* — «счет расходов»; *sumpto publico* — «на общественный счет»; *sumptu (i) parcere* — «быть экономным в расходах»; *sumptum facere* — «быть экономным в расходах» [3. *sumptuarius, sumptus II*. С. 979].

Особо следует отметить, что в текстах Катона Старшего встречаются оба термина — *luxus* и *sumptus* — но в интересующем нас контексте в подавляющем большинстве случаев используется именно *sumptus*. Так, во фрагментах речей Катона Старшего встречается употребление таких слов, как *luxuriose* и *sumptu*, однако если в первом случае речь идет об избыточном состоянии радости, то во втором — именно о расходах (*ORF. Fragm.* 163, 173). Точно так же в «Земледелии» для характеристики неподобающей вилеку жены используется прилагательное *luxuriosus* в значении «своевольная, испорченная» (*Agr.* 143)¹.

Таким образом, говоря о понимании самими древними авторами смысла термина *leges sumptuariae*, следует выделить две семантически близкие линии, которые, во многом совпадая, тем не менее не являются тождественными. Так, *luxus* скорее ассоциировалось с явлениями, привнесенными в жизнь *civitas* эллинистической цивилизацией и ставшими следствием военной активности Рима на юге Италии и за ее пределами, т.е. с тем, что с легкой руки Вильяма Харриса стало именоваться «римским империализмом». Слово

¹ В этом плане следует обратить внимание на описание Титом Ливием триумфов Гнея Манлия Вольсона и Луция Корнелия Сципиона в 80-е гг. II в. до н.э., которые, по его мнению, принесли в Рим чужеземную роскошь. Как он замечает, это был «лишь зародыш будущей порчи нравов» в переводе Э.Г. Юнца (в оригинале «*semina erant futurae luxuriae*»).

sumptus, напротив, было связано с исконно римскими представлениями об умеренности и бережливости, которые необходимо рассматривать прежде всего в контексте хозяйственной жизни *familia*. Поэтому, если термин *luxus* отражал понятие роскоши как таковой, то употребление слова *sumptus* было связано (и куда глубже уходило в историю Рима) с ведением хозяйства в целом и с понятием расходов в частности.

Историографическая заметка

В отечественной историографии на данное обстоятельство обратил внимание Б.С. Ляпустин в своей статье 1991 г., посвященной закону Оппия. Как он отмечает, первые законы о роскоши были направлены на экономическое укрепление римской фамилии и недопущение непроизводительных трат ее членами. По его мнению, целью *leges sumptuariae* была экономическая защита и хозяйственное укрепление римской семейной организации за счет контроля над непроизводительными расходами [4. С. 50–62]. Как нам представляется, именно в данном контексте следует воспринимать знаменитую сентенцию Катона Старшего о том, что хорошему хозяину любо продавать, а не покупать (*Agr.* 2. 7).

Следует отметить, что уже в литературе XIX — начала XX вв. присутствовала точка зрения, согласно которой появление законов о роскоши было вызвано процессами экономического развития Рима. Их главной целью, по мнению ряда исследователей, была минимизация последствий тех новых экономических и социальных явлений, что были порождены «римским империализмом», что было актуально и для европейского общества второй половины XIX в. [5. С. 22]. Так, по мнению Этторе Паиса, законы о роскоши были связаны с финансовыми и, в частности, фискальными потребностями государства. Огромные средства, поглощаемые импортом предметов роскоши, вызывали озабоченность властей, видевших негативные последствия нового образа жизни знати как для общественной морали, так и экономической стабильности фамилии [6. Р. 458–459]. Последнее положение нашло свое развитие в работах Эмилио Габбы, согласно которому главной целью законов о роскоши было предотвращение экономического банкротства нобилитета в результате необдуманных или рискованных экономических операций. Неудачные инвестиции и новый стиль жизни, основанные на отказе от традиционных принципов умеренности и бережливости, имели своим следствием распыление семейного имущества (*patrimonium*), что могло привести к быстрому исчезновению многих знатных фамилий, лишившихся своей экономической основы. Законы о роскоши, по его мнению, были необходимы для поддержания финансовой и экономической стабильности знатных семейств, что гарантировало сохранение ведущего положения, которое они занимали в обществе и в политической жизни [7. Р. 27–4]. Аналогичный

подход характерен для Жан-Жака Обера, по мнению которого, появление законов о роскоши свидетельствует не только о феномене стремительного обогащения римской аристократии, но и о тех путях, которыми это богатство растрачивалось или инвестировалось. В связи с этим данные законы показывают не только проявления консюмеризма римской элиты, но и пример совершенно нового подхода в борьбе с моделями поведения, несущими вызов социальному порядку [8. Р. 168–169].

Как полагает Майкл Крауфорд, законы о роскоши находят объяснение, если рассматривать их как средство, необходимое римской аристократии для сохранения единства своей социальной страты. Он обращает внимание на то, что начиная со 181 г. до н.э. на протяжении примерно сорока лет принимается целая группа законов, призванных подавить различные проявления престижного потребления среди определенной части римской знати, вызывавших зависть и возмущение со стороны других аристократов. Таким образом, появление законов о роскоши в Риме рассматривается М. Крауфордом вслед за А. Тойнби, В. Харрисом, К. Хопкинсом в контексте процесса практически неконтролируемого и часто нелегитимного обогащения верхушки римской общины в период создания средиземноморской державы [9. Р. 79–80]².

Проблема источников

Высказанные соображения заставляют обратить внимание на источниковую базу исследуемой проблематики. Ее особенностью является отсутствие непосредственно юридических источников, в результате чего история римских законов о роскоши воспринимается через историко-антикварные штудии Авла Геллия и Макробия. Инго Заурвайн справедливо отмечает в этой связи, что «основной массой сведений по истории сумптуарного законодательства мы обязаны историкам, поэтам и антикварам» [11. S. 3]. К этому следует прибавить то обстоятельство, что не сохранились аутентичные тексты ни одного сумптуарного закона, что значительно сужает возможности исследователя, которому приходится довольствоваться сведениями об их содержании (как правило, очень краткими), содержащимися в античной литературе.

Основным источником по истории римского сумптуарного законодательства являются два больших отрывка из сочинений Авла Геллия (II в.) и Амвросия Феодосия Макробия (V в.). Дополнением к ним служат сообщения Цицерона, Ливия, Плиния Старшего и Афинейя, в которых содержатся упоминания об отдельных законах о роскоши. В связи с этим основное

²Со взглядами М. Крауфорда во многом солидарен Фергюс Миллар, отметивший, что сумптуарные законы II в. до н.э. могут быть истолкованы в контексте потребности римской аристократии в поддержании внутрigrупповой солидарности. Одновременно эти законы отражали настроения широких народных масс, негативно относившихся к росту богатства частных лиц [10. Р. 9 + Not. 34].

внимание исследователей сосредоточено на 24-й главе II книги «Аттических ночей» Авла Геллия и 17-й главе III книги «Сатурналий» Макробия. Два этих отрывка настолько близки по структуре и содержанию, что это позволило исследователям поставить вопрос о заимствовании Макробием сведений, приводимых Авлом Геллием, либо зависимости обоих авторов от одного источника³. Вместе с тем были выявлены и определенные различия — не совпадает перечень законов о роскоши, приводимый авторами, отличаются хронологические рамки, датировка отдельных законов, что указывает на то, что Авл Геллий и Макробий могли пользоваться различными источниками [12. Р. 381–406].

Как сообщает сам Авл Геллий, он использовал сведения из сочинения «Сониестанеа» («Записная книжка»), принадлежащего видному юристу начала I в. н.э. Гаю Атею Капитону (II. 24. 2). Сочинение Атея Капитона является ценным источником, поскольку в нем были приведены тексты римских законов о роскоши (loc. cit.). Сходство сведений, сообщаемых Авлом Геллием и Макробием, позволяет предположить, что последний также использовал сочинение Гая Атея Капитона либо напрямую, либо через посредничество какого-то автора, скорее всего Серена Саммоника, на которого он дважды ссылается в 17-й главе своего труда.

То, что Макробий использовал непосредственно сведения Авла Геллия, выглядит сомнительным в свете отмеченных выше расхождений в сочинениях двух авторов, хотя в тексте «Сатурналий» и присутствует ссылка на некоего Геллия, упоминаемого без указания преномена. Как отмечает Анна Ботильери, для концепции Макробия в целом характерен более широкий охват материала. На основе анализа различных вариантов датировки *lex Fannia* у обоих авторов она приходит к выводу о существовании по крайней мере еще одного источника, которым пользовался Макробий. В упоминаемом в «Сатурналиях» Геллии она видит анналиста II в. до н.э. Гнея Геллия [5. Р. 95–96]. По ее мнению, Макробий использовал сведения Гнея Геллия не напрямую, а в пересказе Варрона (возможно, это были его «*Annales*»), сочинения которого были хорошо известны как ему самому, так и Авлу Геллию⁴.

Таким образом, отличительной чертой источниковой базы по истории римского сумптуарного законодательства является отсутствие сочинений римских юристов. Исключением является труд Капитона, который дошел лишь в передаче анналистических и антикварных сочинений. В сохранившихся древних правовых памятниках отсутствует характеристика *leges sumptuariae* как определенного вида законодательства. Нет упоминаний о законах о роскоши и в «*Edictum Perpetuum*», источнике преторского права, даже

³ Обзор соответствующей литературы см.: [5. Р. 83–96].

⁴ См. напр.: Gell. II.18.7, III.18.5, XIII.31.1, Macrobian. Sat. I.11.42, III.18.13, V.20.13.

несмотря на наличие короткого титула, посвященного расходам на погребения⁵. Хотя в тексте Дигест Юстиниана встречается термин *sumptus*, контекст его употребления далек от законов о роскоши⁶. Отсутствие широкого круга источников как юридического, так и неюридического характера объясняет, почему такие вопросы, как количество римских законов о роскоши, время их принятия или содержание конкретных законов, по-прежнему вызывают острую дискуссию.

Исчезнув к началу I в. н.э., эти законы долгое время не вызывали большого интереса не только в связи с утратой актуальности, но и из-за отсутствия информации о них. По-видимому, за исключением Гая Атея Капитона, заставшего при жизни последние законы о роскоши, этот вид законодательства так и не привлек внимания римских юристов. Всплеск интереса к законам о роскоши приходится на II в., когда центральным явлением духовной жизни римского общества становится классицизм, принявший четкие очертания архаизма⁷. Возникшая в обществе ориентация на идеализируемое прошлое вызвала активный поиск антикварного материала, его кропотливое изучение и попытки воспроизвести в подражаниях и переработках. Вместе с тем законы о роскоши, воспринимавшиеся ко времени жизни Авла Геллия и тем более Макробия в качестве архаичного реликта республиканской эпохи, с самого начала изучались не с точки зрения правовой науки, а сквозь призму морально-этических категорий, поскольку в первую очередь они были призваны подчеркнуть как превосходство «древних» нравов, так и несовершенство нравов, характерных для времени жизни «архаистов» периода империи.

«*Sumptus*» и «*luxus*»

Попытавшись определить точку пересечения семантических полей, связанных с употреблением терминов «*sumptus*» и «*luxus*», мы приближаемся к пониманию того, как и чем была очерчена сфера действия римских «законов

⁵ Как отмечает И. Зауэрвайн, это отчасти объясняет, почему современные исследователи рассматривают законы о роскоши как некое периферийное явление античной юридической мысли и даже в какой-то мере как правовой курьез или вовсе не упоминают о них [11. S. 2].

⁶ Нами было проанализировано 14 случаев употребления термина *sumptus* и производных от него *sumptuosus* и *sumptuosa* в тексте Дигест. Практически везде он употребляется в значении просто расходов, понесенных лицом в той или иной ситуации. Единственным исключением является отрывок из 70-й книги «Комментариев к эдикту» Ульпиана, в котором в качестве *sumptuosa* описывается вещь, слишком дорогая в содержании (Dig. 28.8.5.1). Другие случаи употребления термина *sumptus* см.: Dig. 3.5.9; 3.5.30.4; 5.1.79; 6.1.4.8; 10.2.39; 11.7.14.7; 24.3.42.1; 32.35.3; 35.1.80; 39.2.37; 45.1.102; 50.4.1.3; 50.7.7.

⁷ Ср.: «Интерес к памятникам старины усилился настолько, что они, получив авторитет совершенных и непререкаемых образцов, возводились теперь в норму латинской речи. Произведения старинных авторов, таких как Катон Старший, Энний, Плавт, Саллюстий, рекомендовались для чтения, комментировались и приводились в пример для подражания» [13. С. 253].

о роскоши». Первой точкой пересечения, без сомнения, является *familia* как исходный для рассматриваемой эпохи и одновременно базовый социоэкономический организм. Очевидно, что расходы, наносящие вред семейной организации или ставящие под угрозу ее существование, не могли не восприниматься в римском обществе как явление крайне отрицательное. Поэтому появление в Риме эпохи Республики законов, которые должны были исправить, а в идеале предотвратить подобную опасность, было неизбежным.

Второй точкой пересечения *luxus* и *sumptus* была *civitas*, сама римская гражданская община. Собственно говоря, две указанные точки и определили ареал распространения явления, которое мы обозначаем как «законы о роскоши». Помимо прочего, это позволяет отделить от *leges sumptuariae* внешне похожие законы (в силу чего они порой смешиваются в литературе), которые имели, однако, совершенно иные цели (законы, посвященные электоральной коррупции, вопросам наследования и т.д.). И плебесциты периода Ганнибаловой войны, и законы II–I вв. до н.э. в равной степени могут быть отнесены к *leges sumptuariae*, поскольку и те и другие были направлены против расходов, чреватых негативными последствиями, но принимались (и должны восприниматься нами) в различном социоэкономическом и политическом контексте.

Рассматривая термины *luxus* и *sumptus* как близкие по смыслу, но не совпадающие полностью, следует обратить внимание на то, что понятие *sumptus* не только явно возникло раньше по времени, но и было шире по своему содержанию. Тенденция к их слиянию (если их рассматривать в контексте истории *leges sumptuariae*) появляется не раньше II в. до н.э., когда «роскошь» (и расходы на нее) начинают проникать во все сферы общественного бытия Рима. Тем не менее, как нам представляется, полного растворения понятия *sumptus* в более широком концепте *luxus* в условиях античной цивилизации не произошло. Фактическое слияние двух терминов, имеющих разное смысловое наполнение, произошло намного позднее, когда был утрачен исторический контекст происхождения и истории римских законов о «роскоши».

Интеллектуальный продукт эпохи Просвещения

Ощущение того, что предложенные предшествующей историографической традицией модели, характеризующие содержание и эволюцию римских законов о роскоши, исчерпали себя, характерно для появившейся в 2002 г. монографии итальянской исследовательницы Анны Ботильери. Она отмечает, что законы о роскоши в своей совокупности не только отличались разнообразием, но и были неоднородны по причинам, их породившим. В связи с этим она критически оценивает присутствующую как в античной традиции, так и в современной историографии «унитарную» модель, созданную, по ее мнению, историками и антикварами Поздней республики и эпохи

Августа [5. С. 22]. Как полагает исследовательница, отдельные сумптуарные законы появлялись в разные периоды римской истории, были инициированы часто враждебными друг другу политическими группами и отражали проблемы и требования исключительно своей эпохи. В то же время она обращает внимание на постоянство существовавших в римском обществе моральных установок, ограничивавших избыточное потребление.

Размышляя о современном восприятии римских законов о роскоши, А. Ботильери считает его порождением определенной концепции, возникшей и сформировавшейся в основных чертах в эпоху Просвещения. Значительную роль в ее распространении сыграл выдающийся французский мыслитель Ш.-Л. Монтескье, который в своих сочинениях «*Considérations sur les causes de la grandeur des Romains et de leur décadence*» («Размышления о причинах величия и падения римлян») 1734 г. и «*De l'esprit des loix*» («О духе законов») 1748 г. неоднократно обращался к теме роскоши, подчеркивая связь между законами о роскоши и процессом разложения традиционных норм морали и поведения человека. Влияние идей философа на последующую историографию трудно переоценить, хотя при этом следует учитывать, что в творчестве Монтескье и других представителей Просвещения античные реминисценции преломлялись через призму проблем, актуальных для эпохи перехода к раннебуржуазному индустриально-аграрному обществу, получившему развитие в ряде стран Западной Европы. В результате в распоряжении современного исследователя имеется устоявшаяся оценка законов о роскоши, сложившаяся в рамках определенной историографической традиции.

Как отмечает А. Ботильери, первые дебаты относительно роскоши протекали в Европе Нового времени в контексте теории меркантилизма [5. С. 23]. Начиная с XVII в. трудности реального контроля за потреблением предметов роскоши вызвали убеждение в целесообразности введения налогов на определенные группы товаров, потребление которых свидетельствовало о высокой покупательной способности данного лица. В результате теоретически обосновывалась необходимость введения системы налогообложения, предполагавшей наличие фискального контроля за приобретением определенных групп товаров, облагаемых повышенной ставкой налога. Фактически речь шла о необходимости введения повышенного уровня налогообложения богатейшей части населения в интересах малоимущих групп общества [14].

Возникнув в Италии, где с XVI в. существовал налог на лошадей, налоги на предметы роскоши повсеместно стали вводиться на территории Западной Европы в XVII–XVIII вв. В Голландии в 1612 г. был введен налог на экипажи, в 1636 г. — на прислугу, несколько позднее — налог на лошадей. В Австрии в 1692 г. был введен налог на обувь, бильярд и кегли, в 1697 г. — на экипажи. В Швеции при Карле XII были введены налоги на мужскую одежду, изготовленную из шелка, позолоченные шпаги и парики [15]. Особое развитие данный вид налогов получил в Англии, где налог на экипажи был введен

в 1747 г., на лошадей — в 1784 г., на мужскую прислугу — в 1777 г., на женскую прислугу — в 1785 г. Во второй половине XIX вв. были введены налоги на серебряную и золотую посуду, карты, гербы, ружья, охоту. В Германии с конца XVII в. также были введены различные налоги на предметы роскоши: в 1698 г. налог на парики и экипажи, при Фридрихе Великом — на сапоги и башмаки с высокими каблуками, на всем протяжении XIX в. в различных немецких землях вводились налоги на собак и бильярд. Во Франции в 1759 г. были введены налоги на прислугу и лошадей, в 1795 г. — налог на экипажи, затем в XVIII–XIX вв. были введены налоги на бильярд, охоту, собак, велосипеды, фортепиано и др. Существовали подобные налоги и в России, где помимо налога на игральные карты, взимавшегося в интересах Императорского Воспитательного дома в Москве, в 1892 г. был введен налог на охоту, а в ряде городов были установлены местные сборы с собак, лошадей и экипажей [16. С. 105].

Заключение

Подводя итоги, следует еще раз обратить внимание на истинное значение термина *leges sumptuariae*. Несмотря на то, что в отечественной традиции принято переводить их как законы о роскоши, под *leges sumptuariae* следует понимать законы о расходах, которые являются чрезмерными. При этом они были адресованы не индивидуальному, а коллективному субъекту в виде римской *familia* в лице представлявшей и возглавлявшей его фигуры *pater familias*. В своем развитии современная концепция законов о роскоши прошла несколько этапов, каждый из которых отражает проблематику и духовные запросы своего времени.

Первый этап формирования представления о *leges sumptuariae* приходится на эпоху Принципата, когда происходит переосмысление древних уже для того времени законов в духе концепции упадка нравов и моральной деградации римской общины, восходящей к разработкам авторов Средней и Поздней Республики⁸. Следы этой работы можно видеть в сочинениях Авла Геллия и Макробия, которые содержат основной корпус сведений об этих законах, доступный современному исследователю.

⁸ Любопытно, что при этом сами античные авторы нечетко представляли себе хронологический рубеж, после которого начинается разложение морали, традиционных устоев и образа жизни римлян. Квинт Фабий Пиктор считал таковым Третью Самнитскую войну (298–290 гг. до н. э.), Валерий Максим — поражение Филиппа Македонского в 197 г. до н. э., Тит Ливий — 187 г. до н. э., Полибий — 168 г. до н.э., Луций Кальпурний Пизон — 154 г. до н. э., Посидоний, Саллюстий, Веллей Патеркул — 146 г. до н.э. Как можно видеть, разброс дат, если отбросить хронологические крайности, составляет примерно 150 лет, с 290 по 146 гг. до н.э., занимая весь промежуток между Первой и Третьей Пуническими войнами. Среди современных авторов на это обстоятельство обращает внимание Э. Грюэн на примере датировок Полибия и Ливия [17. С. 173].

Второй этап переосмысления *leges sumptuariae* приходится на XVIII век, когда в рамках философских (и прежде всего социально-экономических) работ авторов эпохи Просвещения получила дальнейшее развитие идея законов о роскоши, воспринимавшихся в контексте античной концепции упадка нравов, проецировавшейся на европейское общество того времени. В условиях распространения богатства, возникавшего вне рамок традиционных экономических моделей и стратегий, связанных с эксплуатацией земельной собственности, и порожденного им избыточного потребления, осмыслявшихся как общественное зло, законы о роскоши стали восприниматься как одно из средств борьбы с ним⁹. Принципиальная разница заключается в том, что теперь законы должны были регулировать не отдельные виды расходов семьи как базового элемента общественного устройства, а устанавливать контроль за экономическим поведением отдельного индивида через налогообложение дорогих и престижных видов потребительских товаров.

В заключение следует отметить, что в подавляющем большинстве *leges sumptuariae* принадлежали к такой разновидности римского законодательства, как *lex imperfecta*¹⁰. Ее особенностью было отсутствие санкции, в связи с чем правовое регулирование осуществлялось не столько юридическими средствами, предполагавшими прямое принуждение со стороны государства, сколько институтами коллективного контроля морали римской общины, такими как регулярно проводившийся цензорами *regimen morum* [21. S. 35–39]. С этой точки зрения античные *leges sumptuariae*, строго говоря, не были законами в современном понимании этого слова, так же как и не имели своей целью борьбу с таким явлением, как роскошь.

⁹ Как отмечает М. Финли, из трех основных видов богатства, существовавших в античном мире (земля, деньги и рабы), господствующее положение занимала земельная собственность, поскольку она была связана с институтом гражданства [18. С. 53]. Он указывает на то, что в античном полисе деловая активность во многом была делом метеков и ксенов, сосредоточивших в своих руках морскую торговлю продуктами и предметами роскоши. В поисках ответа на вопрос, почему такие высокодоходные занятия, как морская торговля, передавались в руки лиц, не являющихся гражданами, М. Финли приходит к выводу о том, что все виды экономической деятельности, за исключением земледелия, противоречили полисной морали и ценностям гражданской общины. Различия в видах и способах экономической деятельности, стратегии инвестирования богатства в ту или иную сферу — все это, по мнению исследователя, определялось статусом, местом человека в социальной структуре [19. С. 60].

¹⁰ Как указывает Ульпиан, «закон бывает или совершенного вида, или несовершенного вида, или менее чем совершенного вида. Закон совершенного вида (*lex perfecta*) запрещает что-либо делать, а если сделано, то объявляет это ничтожным. Закон несовершенного вида (*lex imperfecta*) запрещает что-либо делать, а если сделано, то не объявляет это ничтожным и не накладывает наказания на того, кто действует вопреки закону...» (Reg. I. 1–2). Подробнее см. [20. P. 25–39].

Библиографический список

1. *Квашнин В.А.* Об одном парадоксе римских законов о роскоши // Проблемы истории, филологии, культуры. 2017. № 4. С. 85–96.
2. *Glare P.G.W.* Oxford Latin Dictionary. Oxford, 1968.
3. *Дворецкий И.Х.* Латинско-русский словарь. Изд. 2-е. М., 1976.
4. *Ляпустин Б.С.* Экономическое развитие древнего Рима в свете закона Оппия о роскоши // Из истории античного общества. Н. Новгород, 1991. С. 50–62.
5. *Bottiglieri A.* La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana. Napoli, 2002.
6. *Pais E.* I pontifici, l'agricoltura e l'«anonna», «leges regiae» e «leges sumptuariae» // *Pais E.* Ricerche sulla storia e sul diritto pubblico di Roma. I. Roma, 1915. P. 423–465.
7. *Gabba E.* Del buon uso della ricchezza: Saggi di storia Economica e Sociale del Mondo Antico. Milano, 1988.
8. *Aubert J.-J.* The Republican Economy and Roman Law: Regulation, Promotion or Reflection // The Cambridge Companion to the Roman Republic / ed. by H. Flower. Cambridge, 2006. P. 160–178.
9. *Crawford M.* The Roman Republic. Sussex (NJ), 1978.
10. *Millar F.* The Political Character of the classical Roman Republic, 200–151 B.C. // Journal of Roman Studies. 1984. Vol. 74. P. 1–19.
11. *Sauerwein I.* Die leges sumptuariae als romische Maßnahme gegen den Sittenverfall. Hamburg, 1970.
12. *Türk E.* Macrobe et les «Nuits Attiques» // Latomus. 1965. XXIV. P. 381–406.
13. *Кузнецова Т.И., Стрельникова И.П.* Ораторское искусство в древнем Риме. М., 1976.
14. *Fournier de Flaix E.* La réforme de l'impôt en France. V. I. Paris, 1885.
15. *Baudrillart H.* Histoire du luxe privé et public. T. III–IV. Paris, 1879–1880.
16. *Белковский Г.* Роскошь // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб., 1899. Т. XXVII (53).
17. *Gruen E.S.* Studies in Greek Culture and Roman Policy. Berkeley-LA-London., 1996.
18. *Finley M.* Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500–200 B.C. Oxford, 1985.
19. *Finley M.* The Ancient Economy. Berkeley-LA., 1973.
20. *McGinn Th. A.J.* The Expressive Function of Law and the Lex Imperfecta // Roman Legal Tradition. 2015. Vol. 11. P. 1–41.
21. *Baltrusch E.* Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit. München, 1989.

References

1. *Kvashnin VA.* Ob odnom paradokse rimskih zakonov o roskoshi [On One Paradox of Roman Laws on Luxury. *Problems of history, philology, culture.* 2017;(4):85–96. (In Russ.).
2. *Glare PGW.* *Oxford Latin Dictionary.* Oxford; 1968.
3. *Dvoretzkii IH.* *Latinsko-ruskii slovar* [Latin-Russian dictionary]. Moskva; 1976. (In Russ.).
4. *Lyapustin BS.* Economicheskoe razvitie drevnego Rima v svete zakona Oppiya o roskoshi [The economic development of ancient Rome in the light of Oppius' Law on Luxury]. *Iz istorii antichnogo obshchestva.* Nizhny Novgorod; 1991, pp. 50–62.
5. *Bottiglieri A.* *La legislazione sul lusso nella Roma repubblicana.* Napoli; 2002.
6. *Pais E.* I pontifici, l'agricoltura e l'«anonna», «leges regiae» e «leges sumptuariae». In: *Pais E.* *Ricerche sulla storia e sul diritto pubblico di Roma.* I. Roma; 1915. P. 423–465.
7. *Gabba E.* *Del buon uso della ricchezza: Saggi di storia Economica e Sociale del Mondo Antico.* Milano; 1988.
8. *Aubert J.-J.* The Republican Economy and Roman Law: Regulation, Promotion or Reflection. In: H. Flower, editor. *The Cambridge Companion to the Roman Republic.* Cambridge; 2006. P. 160–178.
9. *Crawford M.* *The Roman Republic.* Sussex (NJ); 1978.

10. Millar F. The Political Character of the classical Roman Republic, 200–151 B.C. *Journal of Roman Studies*. 1984;(74):1–19.
11. Sauerwein I. *Die leges sumptuariae als romische Maßnahme gegen den Sittenverfall*. Hamburg; 1970.
12. Türk E. Macrobe et les «Nuits Attiques». *Latomus*. 1965; XXIV:381–406.
13. Kuznetsova TI, Strelnikova IP. *Oratorskoe iskustvo v drevnem Rime*. Moskva; 1976 (In Russ.).
14. Fournier de Flaix E. *La réforme de l'impôt en France*. V. I. Paris; 1885.
15. Baudrillart H. *Histoire du luxe privé et public*. T. III–IV. Paris; 1879–1880.
16. Belkovskii G. Roskosh [Luxury]. *Encyclopaedic Dictionary by F.A. Brockhaus and I.A. Efron*. Spb., 1899. T. XXVII (53). (In Russ.).
17. Gruen ES. *Studies in Greek Culture and Roman Policy*. Berkeley-LA-London; 1996.
18. Finley M. *Studies in Land and Credit in Ancient Athens 500–200 B.C.* Oxford; 1985.
19. Finley M. *The Ancient Economy*. Berkeley-LA.; 1973.
20. McGinn ThAJ. The Expressive Function of Law and the Lex Imperfecta. *Roman Legal Tradition*. 2015;(11):1–41.
21. Baltrusch E. *Regimen morum: Die Reglamentierung des Privatlebens der Senatoren und Ritter in der römischen Republik und frühen Kaiserzeit*. München; 1989.

Информация об авторе:

Квашнин Владимир Александрович — доктор исторических наук, профессор кафедры юриспруденции, Вологодский государственный университет, 160000, Российская Федерация, Вологодская область, г. Вологда, ул. Ленина, д. 15, e-mail: kvashninv195@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0931-6207. SPIN-код: 2609-5610.

Information about the author:

Vladimir A. Kvashnin — Dr. Habil. History, Professor of the Department of Law, Vologda State University, 15 Lenina St., Vologda, 160000, Russian Federation, e-mail: kvashninv195@mail.ru. ORCID: 0000-0003-0931-6207. SPIN-code: 2609-5610.